

А. И. ВВЕДЕНСКИЙ

Сократ (Характеристика)

Нельзя без некоторого тайного смущения говорить о Сократе. На него человечество обращает свои взоры всякий раз, когда хочет указать своего лучшего представителя. Пред ним, пред величавую оригинальностью его характера останавливаются в изумлении люди самых разнообразных складов — друзья, равно как и недруги. Смущает историка именно эта величавая оригинальность его, не уместяющаяся в шаблонные рамки не только афинянина времён Сократа, но и позднейшего культурного человека. В Сократе всё своеобразно, всё оригинально, и иногда не знаешь, чему больше удивляться: противоположности ли совмещаемых им в себе свойств или могучей силе, объединяющей эти противоположности.

Сначала, при первом ознакомлении с Сократом, поражаешься в нём более всего противоположностям. Это — «похожий на нищего болтун», как говорит о нём Эвполем в своей комедии, человек, у которого нет няньки, чтобы наблюдать за чистотою его носа, которому можно, пожалуй, безвозмездно дать оплеуху, и однако этот «нищий» ходит и держит себя с сознанием своего достоинства и невольно заставляет признавать в себе это достоинство и других; этот «болтун» отмечен такой изумительной, граничившей с истинным безумием, гениальностью, которой достаточно было для того, чтобы на целые века дать мысли новое направление. Его некрасивая, напоминавшая безобразных силенов, фигура служит предметом неистощимых острот и насмешек, и однако внимательные из его собеседников скоро замечали, что чрез эти черты силенна просвечивает Аполлоновская душа, а под грубой телесной оболочкой скрывается обаятельная духовная красота. Он враг всякого изысканного красноречия, равно как и его платных учителей (софистов); его грубоватая и подчас вульгарная речь, кажется, переходит иногда в бесцельное, прозаическое резонерство; и однако это, по-видимому, «бесцельное умничанье», как называли беседы Сократа его враги, никогда не было словом,

брошенным на ветер; напротив, оно всегда вело к уяснению той или иной, иногда простой, иногда изумительно глубокой истины, а его простая речь изобличала в нём художника слова — естественного, чуждого напыщенности — которое и доселе, даже в форме мёртвой буквы, волнует душу высокими эстетическими волнениями. Это истый консерватор, который с похвальным благоразумием отстаивал *status quo*, народные обычаи, законы отечества, уставы народной религии; но, с другой стороны, быть может, никто из всех афинян не давал понять — в большинстве случаев косвенно, а где позволяли обстоятельства и прямо — недостаточность наличного склада нравственной, социальной и религиозной жизни: консерватор тогда уступал место самому решительному радикалу и новатору, котрый, по суду людей того времени, высказывал много «странного» и «несообразного», вроде того, например, что принимать обиды будто бы лучше, нежели их наносить...

Так и во всём остальном; словом, Сократ представляет нам сплошное сплетение противоположностей. И однако мы живо чувствуем, что это отнюдь не те обычные, так сказать, роковые противоположности, над которыми не может подняться посредственность; отнюдь не такие портиворечия, в которых сплошь и рядом запутывается даже даровитая подчас бесхарактерность, привыкшая «плыть по воле волн». Нет, здесь перед нами редкое сочетание изумительно богато одарённой природы с неподражаемым природным тактом; умение сообразоваться с обстоятельствами без ломки, но могуче направлять их к желанной цели; глубокое разумение жизни, её последних основ и верховных идеалов. Несмотря на указанное сплетение противоположностей, Сократ, по выражению Гегеля, является пред нами «вполне цельной пластической натурой, как какое-нибудь законченное произведение античного искусства, которое само себя возвело до этой высоты».

Сократ родился 20-го мая 469 года, в Афинах, от ваятеля Софроникса и повивальной бабки Фенареты. Родители его были не знатного, но и не низкого рода; не были богаты, но не были и подавлены бедностью. Они были, вообще говоря, люди почтенные, а мать даже замечательная женщина; По-видимому, именно ей Сократ обязан своей даровитостью: таков, кажется, общий закон, насколько наследственность подчинена законам, — у великих людей всегда великие матери. Несомненно одно, что Сократ впоследствии всегда вспоминал о своей матери с особенной нежностью и признательностью, как о женщине *μάλα γυναικα καί βλοσυρά*. Позднейшее предание, записанное Плутархом, сообщает, что когда Софроникс по обычаю того времени прибыл в Дельфы и просил указания относительно новорожденного, Пифия отвечала, что дитя должно быть предоставлено само себе, так как врождённый гений скорее и лучше приведёт его к предназначен-

ной ему цели, чем все учителя и воспитатели. Мы без труда узнаем в этом сказании одну из тех легенд, которыми фантазия потомков обыкновенно окружает колыбель великих людей. Но если в каждой легенде позволительно усматривать свою долю истины, то в данном случае этой долей истины будет, очевидно, убеждение в том, что в деле воспитания Сократа больше значения имела и должна была иметь его природная даровитость, чем внешняя дисциплина и школа.

Сократ, исторический Сократ, предстаёт пред нами вполне сложившейся, законченной личностью, уже в расцвете своей кипучей деятельности. Как слагалась эта личность — это и доселе, несмотря на тщательное обследование вопроса многими компетентными историками, должно быть отнесено скорее к области более или менее вероятных догадок, чем достоверной истории. Мы не знаем точно, как протекали его детство и юность, не можем в подробностях проследить и отчётливо понять, под какими влияниями слагалась и крепла его могучая индивидуальность; не можем, наконец, указать даже и с приблизительной точностью рубежей, отделявших один период его жизни от другого.

О детстве Сократа мы знаем очень немного. Мы можем заранее заключать на основании сказанного о его родителях, об общем благотворном влиянии со стороны их на Сократа. Знаем далее, что от отца Сократ научился несколько его художеству — ваиянию; им же, вероятно, преподаны Сократу начальные элементы музыки и гимнасти — этих двух главных отраслей тогдашнего общего образования. С семилетнего возраста благодаря заботам богача Критона, который заметил и оценил даровитого мальчика, Сократ начинает посещать учителей, у которых учится не только чтению, декламации, игре на цитре и гимнастике, т. е. не только тем наукам, которые принадлежали к числу общеобразовательных, но и геометрии, астрономии, поэтике, риторике и даже, позднее, философии. Опираясь на отрывочные указания, рассеянные у Платона и других, позднейших, писателей, историки и биографы Сократа называют по именам многих его учителей. Но оставляя в стороне сомнительные и спорные свидетельства о влиянии на Сократа, мы остановимся лишь на тех, которые содействуют выяснению философского развития Сократа, и которое при том носит на себе печать сравнительно большей исторической достоверности.

По свидетельству Платона, учителем музыки (в греческом смысле этого слова) был Дамон, человек весьма просвещённый и философски образованный. от него Сократ мог получить сведения об общих основаниях философии Анаксагора и пифагорейцев. У софиста Продика, на уроках которого он также присутствовал, хотя, по-видимому, не особенно часто, он усвоил общие приёмы определения слов и понятий, что, кажется, имело на него большое влияние впоследствии.

Далее, уже семнадцати или восемнадцати-летним юношей он слушал престарелого Парменида, через которого познакомился с утонченными спекуляциями элеатов. Но самое широкое и могучее влияние производил на Сократа Архелай, читавший и истолковывавший Сократу философию своего учителя, Анаксагора. От него Сократ узнал не только высокое учение Анаксагора об «уме», но познакомился и с общими началами ионийской физики. Это последнее обстоятельство, т. е. знакомство Сократа с физикой ионийцев, служит хорошим комментарием к известной комедии Аристофана, в которой Сократ представлен погруженным, между прочим, и в занятия физикой, астрономией, геометрией, географией, окруженным картами и математическими инструментами.

Уроки своих учителей Сократ восполнял самостоятельным чтением древних философов в кругу своих сотоварищей и сверстников. Так рассказывают, что когда его друг Эврипид дал ему однажды сочинения Гераклита и затем спросил его о впечатлении от прочитанного, Сократ очень остроумно ответил: «Что я понял в нём, то превосходно; поэтому я думаю, что так же хорошо и то, чего я не понял. Только сознаю, что для него (Гераклита) необходим опытный Делосский пловец». Наконец, сверх всего этого Сократ постоянно учился из бесед и разговоров со своими многочисленными собеседниками, между которыми нередко были люди весьма образованные. Так Симмиас знакомил его со спекуляциями пифагорейцев; Евклид — с диалектическими тонкостями элеатов; позднее Платон — с своими собственными построениями.

Таким образом, как видно из сказанного, Сократ познакомился со всеми теми идеями, которые, зародившись в различных школах философии первого периода, волновали умы современников. Правда, это не было знание, отвешенное, подобно съестным припасам, в конторах платных учителей того времени, софистов, на вес золота; но в последствии этого оно не было ни беднее, ни хуже в качественном отношении. Получив, где пришлось и как пришлось, свои подчас отрывочные сведения о философских учениях, Сократ в сообществе своих друзей самостоятельно развивал и перерабатывал их так, что он с полным правом мог вменять себе и своим друзьям в заслугу независимость своей философии от ходячих мнений, представителями которых служили главным образом современные ему «учителя продажной мудрости».

Что касается направления первоначальных философских занятий Сократа, то их преобладающим характером были, несомненно, физическая спекуляция, как об этом свидетельствует сам Сократ в «Федоне». «В молодости, — говорит он здесь, — я был удивительно жаден до той мудрости, которую называют физикой. Мне казалось делом очень важным доискаться причины каждой вещи, отчего каждая

вещь рождается, погибает и существует. И часто я приходил в большое волнение, исследуя, действительно ли, как думают некоторые, живые существа образуются из тепла и холода; действительно ли мы мыслим кровью (Эмпедокл), воздухом (Анаксимен), огнём (Гераклит) или мозг даёт нам чувства и зрения, и слуха, и обоняния, откуда происходит и память и мнение, а из памяти, доведённой до постоянства, уже знание?» О подобном же первоначальном пристрастии Сократа к физическим спекуляциям свидетельствует и Ксенофонт, вполне согласный с показаниями Аристофана. Вообще, сближая свидетельства Платона, Ксенофонта и Аристофана, можно сказать, что «Сократ смолоду уже начал обнаруживать инстинкты и любознательность спекулятивного мыслителя, и даже метафизика, если под этим слишком общим термином разуместь изучение первых принципов и первых причин» (Фулье). Таким образом, при ближайшем ознакомлении с источниками, нам приходится отказаться от широко распорстранённого и глубоко вкоренившегося исторического предрассудка, по которому Сократ был будто бы автодидактом (самоучкой). Нет, его образование можно назвать и основательным и методичным, хотя, повторяем, вопреки тогдашнему обыкновению Сократ и не оплачивал своих уроков.

Физическими спекуляциями, теоретико-созерцательной деятельностью, однако, далеко не исчерпывалась жизнь Сократа. Он отдавался этим созерцаниям со всем жаром и настойчивостью верующего в истину духа, и нередко можно было наблюдать, как он увлекшись какой-нибудь интересной идеей, простаивал целые часы, даже дни и ночи, погруженный в самого себя и забыв весь мир; и однако всё же это было не единственное его занятие. Все описания представляют нам Сократа с большей физической и нравственной силой, с неисчислимым запасом энергии, и эта энергия, конечно, должна была найти себе исход, и — нашла. Сократ обратил её прежде всего на то, чтобы сделать свой могучий организм послушным орудием духа, а этот последний — воплощением идеала человека. И каких поразительных результатов достиг он! Его от природы богатый силами и выносливый организм был закалён до невероятной степени: Сократ был почти нечувствителен к тепло и холоду, зиму и лето ходил в одной и той же одежде, и нередкость было увидеть его зимой босоногим. Платон сообщает, что участвуя в зимней кампании в Потидее, он превзошёл своим терпением и выносливостью всех своих сотоварищей по оружию: он вынес голод, мучения которого были не под силу всему остальному войску, во время жестоких фракийских холодов босиком и в лёгкой одежде совершил переход по льду, очень затруднявший других войнов, хотя они были одеты и обуты сравнительно тепло. Далее, обыкновенно Сократ был слишком воздержан в пище и питье, хотя при случае, во время праздников или товарищеских пиршеств, он

не прочь был разделить компанию, которой, к слову сказать, будучи приглашён, никогда не портил: здесь он бывал оживлён, остроумен, весел и, не нарушая застолья, ухитрялся как-то после ночи, проведённой в пиршестве, быть по прежнему светлым и ясным. До того привык он владеть и управлять собой! Даже свою поразительно некрасивую, вызывавшую постоянные насмешки, физиономию, с её приплюснутым носом, толстыми губами и выпученными глазами, силой своей воли он облагородил, просветлил и, сделав верным выражением высокого нравственного характера, возвысил до идеальной красоты. Все согласно восхваляют в Сократе вечно ровную ясность духа, невозмутимое спокойствие, глубокий душевный мир, каковые качества, сделавшись обыкновенным выражением лица, сообщали ему какой-то особенный отпечаток.

Ту же силу характера и воли, которые мы видим в Сократе, в его отношении к самому себе, мы замечаем и в его отношениях к другим и к своему делу, служению. И здесь невозмутимое спокойствие, уверенное в своей правоте и силе мужества, отвага были его неразлучными спутниками. Известно, например, с какой твёрдостью он один возрастал против незаконных требований народа осудить полководцев за то, что они после Аргенузской победы, вследствие внезапной бури, не предали погребению павших воинов. Известно также, с каким невозмутимым спокойствием он встретил свой смертный приговор. Самообладание и сдержанность Сократа в частных сношениях были не менее замечательны: его нельзя было озадачить никаким замечанием, никаким сарказмом, как бы зол он ни был. И что особенно замечательно, это не было спокойствием природы, которой нечего сдерживать: его аффективный, подвижный природный темперамент, стихийная сила духа иногда, хотя крайне редко, выступала из повиновения правилам холодной сдержанности, и тогда приходится изумляться, какая необычайная была необходима для того, чтобы укрощать и удерживать в должных границах эту стихийную мощь.

Привычка управлять собой, подчинять все свои действия требованию разума налагало на Сократа печать резкой определённости. Это была фигура в высшей степени цельная, точно отлитая. Самым выдающимся свойством его было то, что его жизнь никогда не расходилась с его учением, так что его ученики не могли определить, что на них производило более глубокое впечатление — уроки или пример учителя. Но это удивительное преобладание великого духа над сильной чувствительностью и страстным темпераментом не должно закрывать от нас тени, правда, не особенно резкой, но всё же тёмной, тени, которую и эта величавая фигура иногда бросала от себя. Скорее именно эта изумительная выдержка, эта несокрушимая сила характера уже заранее заставляет предполагать в Сократе и в отношении к другим,

как и к себе, недостаток мягкости, сердца — рассудочную сухость. По-видимому, именно этим недостатком сердечности страдала его внутренняя семейная жизнь.

С этой точки зрения может получить новое освещение старый вопрос об отношении Сократа к своей жене Ксантиппе, тем более что уже и с чисто исторической точки зрения в популярной и традиционной характеристике Ксантиппы в настоящее время приходится сделать некоторые поправки. Именно обычное представление о Ксантиппе как о сварливой подруге Сократа, имевшей в его жизни разве лишь то значение, что она помогала Сократу закалять свой характер и оттачивать своё остроумие — такое представление сделалось невозможным с тех пор, как Целлер в своей талантливой и остроумной монографии, специально посвящённой восстановлению чести Ксантиппы, установил другую точку зрения на вопрос об отношении к ней Сократа. Правда, Целлеру не удалось вполне восстановить честь Ксантиппы — сделать из неё женщину нежную; по крайней мере удалось показать, что и Сократ оставался у неё в долгу. Впрочем, что же тут удивительного? Ведь известно, что чем ярче свет, тем отчётливее выступают пятна — чем величавее образ человека, тем заметнее и его недостатки. Сократ был всё же человек — человек великий, но он не чуждый слабостей и недостатков, общечеловеческих недостатков и, вероятно, первый повторил бы в применении к себе изречение Теренция: *homo sum, humani nihil a me alienum puto*. Всё это, заметим между прочим, должно воздерживать от довольно обычного (особенно у немецких писателей), хотя, как очевидно, и довольно легкомысленного сопоставления Сократа с Христом...

Познакомившись с характером Сократа, перейдём теперь к новому и дальнейшему вопросу, который может быть сформулирован так: чем именно обусловлено то исключительное значение Сократа в истории философии, на которое согласно указывают все историки? На этот вопрос кратко можно ответить тремя следующими положениями: во-первых, *широтой* Сократовского влияния на современников; во-вторых, его необычайным, близким к божественному, авторитетом; в-третьих, *глубиной* его влияния, не останавливавшегося на поверхности, но проникавшего в глубь до перестановки самых вопросов и перестройки приёмов их решения. Остановимся над выяснением каждой из этих особенностей Сократа в отдельности.

Когда именно оставил Сократ свою, унаследованную от отца, профессию ваятеля, неизвестно; но не подлежит сомнению, что по крайней мере две последних трети своей жизни он посвятил добровольно принятому на себя делу обучения, причём все другие занятия как публичные, так и частные, равно как и все заботы о собственной карьере, были отложены в сторону. Жизнь Сократа за это время

протекала однообразно правильно и несколько (с внешней стороны) даже монотонно. Рано утром он идёт в места общественных прогулок (на бульвары, в скверы и т. д.), в гимнасии для телесных упражнений и в школы, где юношество слушало уроки. В то время, когда рынок был особенно оживлён и люден, его можно было здесь, среди палаток и столов, на которых выставлены товары: здесь он обращается со своими речами к каждому встречному — к простому ремесленнику или именитому гражданину, к рабу или богачу и аристократу Алкивиаду. С площадки он идёт опять на пир Агафона, на берегу Иллиса в общицистестве Федра. Он не разбирает ни времени, ни места, ни личностей. Всё для него представляет случай к рассуждениям и изысканиям: «всякая душа способна породить по крайней мере несколько идей или способствовать рождению идей у других». Чем больше будет разнообразия в способе и условиях диалектики, тем с больших сторон подпадут обозрению предметы речи. Подобно тому, как наши современные экспериментаторы стараются усложнить и организовать свои наблюдения и опыты, беспрестанно меняя предметы и обстоятельства, испытывая доказательство доказательством и предъявляя тысячи запросов к природе, так точно и Сократ, поставив объектом наблюдений и экспериментаций не природу, но душу человеческую, подвергает разнообразным испытаниям всё встречающееся, ничего не считая маловажным и недостойным быть предметом речи. Он знает, что во всякой душе и о всяком предмете истина может возникнуть и ничем не пренебрегать... И так целый день. А так как его беседы всегда были любопытны, остроумны и поучительны, то некоторые привыкли дожидаться Сократа и ходить за ним, чтобы постоянно его слушать, так что за ним всегда можно было видеть толпы разного рода людей. Их иногда называли учениками Сократа, хотя ни сам он, ни его ближайшие друзья не употребляли для обозначения взаимных отношений между собой слов «учитель», «ученик». К нему стекались слушатели даже из других городов — из Мегары, Фив, Элиды, Кирен и т. д. Ни в Афинах, ни в другом каком греческом городе не было с этой стороны подобного Сократу человека. Учили и другие, но в школах, среди избранного круга учеников, и по большей части за плату. Вот почему ни один из учителей не пользовался такой популярностью, как именно Сократ, и вот почему: когда Аристофану понадобился для комедии тип философа-мечтателя, он не мог найти фигуры лучше Сократа. Конечно, кроме популярности Сократа в пользу этого выбора говорила и его типичная фигура, которую, с одной стороны, легче было, чем всякую другую, изобразить маской, а с другой — и слушателям легче было узнать, чем какого-нибудь Продика или Протагора; но едва ли можно объяснить указанный выбор одним этим чисто внешним соображением.

Итак, Сократ имел весьма широкое влияние на современников. Этой широте влияния, как было сказано выше, соответствовала и его необычайная авторитетность. Сократ смотрел на свою публичную проповедь не как на своё личное дело, а как на возложенную на него свыше обязанность и вместе как на своё неотъемлемое право. Дельфийский бог, бывший преимущественно богом нравственной высоты, воззвал к человеку надписью на своем храме «познай самого себя», и это изречение глубоко отозвалось в душе Сократа: оно то именно вывело его на общественное служение, путём которого он думал пробудить и в других тот же дух пытливости, самоуглубления, ту же заботу о самопознании, какая пробуждена в нём самом. Правда, эта надпись не была новой. Но, если множество поколений прошло мимо неё, не сознав и не вразумев всего её многосодержательного смысла, и если только Сократ сделал её девизом жизни, то значит у него была натура особенная, исключительная или же стоявшая в особо благоприятных условиях. И действительно, Сократ представлял исключительно благоприятную почву для восприятия этого божественного воззвания. По собственным словам и по словам своих друзей, он с самого детства имел особый духовный дар, особый внутренний голос, который непрестанно напоминал ему о его служении истине — *демонионе*. К этому присоединялось также и то, что высший религиозный авторитет Эллады, Дельфийский оракул, высказался решительно в пользу Сократа и устами жреца Херефона назвал его «мудрейшим из эллинов». Всё это не могло, конечно, не влиять прежде всего на самого Сократа, и именно эта вера в своё божественное посланничество, под влиянием которой философские беседы Сократа нередко переходили в какой-то мистический энтузиазм, сообщали его речам, равно как и всей его философской деятельности тот особенный авторитет, который мы выше признали одним из факторов, обуславливавших особое историческое значение Сократа.

Наконец, в-третьих, влияние Сократа было необычайно глубоким. Его философия исследования, как известно, сосредоточивалась на немногих, хотя и в высшей степени полных значения, следующих пунктах: ходячие, смутные и самопротиворечивые представления толпы и даже прежних философов не могут быть признаны истинным знанием («знаю, что ничего не знаю»), хотя критическая обработка и в них может открыть элементы истины, которые затем философия должна развить и связать в систему; добродетели можно обучать, так как кто предпочтёт добро злу в теории, тот не может не предпочитать его и на практике — не может быть злым; мир произошёл не от случая и не от стихийной силы, но создан Разумом, которым и направляется к определённой цели: вот все основные положения философии Сократа, образующие идеи трёх главных частей его систе-

мы — гносеологии, этики и метафизики. С количественной стороны это, пожалуй, не много, но зато каким новым, каким оригинальным должно было подобное учение казаться современникам! Как широко и основательно ставились вопросы! Какое разнообразие и искусство в аргументации! Какая сила убеждения! Читая и перечитывая диалоги Платона, не можешь надивиться находчивости Сократа и чрезвычайно разнообразию и оригинальности форм и тона его рассуждений. Здесь есть всё, начиная от невинной шутки и иронии, направленной против высокомерного предубеждения софистов, до самого строгого логического суда и осуждения. И с какой лёгкостью переходит он от улыбки к тону вдохновлённому! Какая высота мысли под странной, иногда вульгарной формой его речи! Какое умение вызывать в своих слушателях согласие с собой! Мудрый учитель спрашивал, как неопытное дитя, и именно вследствие этого даже дети были в состоянии отвечать ему как философы. При том все его вопросы и рассуждения, несмотря на их кажущуюся резкость и грубоватость, всегда были проникнуты самой глубокой любовью к истине и благу, которое Сократ любил любовью страстной и в котором видел закон всякой истинной любви между людьми. Движимый этой любовью, он отдавал весь скрытый жар своей демонической природы своим философским мыслям и стремлениям и, казалось, хотел перевести огонь, которым сам горел, в своих слушателей. Всё это придало его неприкрашенной речи чудесную, глубоко проникающую силу, которая нередко исторгала у его слушателей слёзы.

Само собой понятно, что такой человек, как Сократ — человек, широкая популярность которого вполне соответствовала его высокой авторитетности и неистощимой оригинальности — должен был возбудить сильное, широко и глубоко идущее движение в настроении своих современников. И мы знаем из истории мысли, что это так и было. Влияние Сократа чувствовалось в продолжении многих веков, да и теперь — можем ли мы сказать, что древний афинский мудрец перестал быть возбудителем нашей мысли? Не должны ли, наоборот, сознаться, что его оригинальная мысль, несмотря на чрезвычайное обогащение новой философии, всё ещё настолько возвышается над этой последней, что посвящённые Сократу диалоги Платона и доселе, как прежде, остаются одним из важных и, может быть, одним из самых действительных источников освежения и умственного возбуждения?

Теперь в заключение нам следовало бы передать рассказ о трагической кончине Сократа; но он так мастерски изложен у Платона и так часто повторяется, что позволительно опустить его, предположив известным. Мы не можем однако не коснуться здесь причин осуждения Сократа, так как уяснение этого вопроса может прибавить некоторые подробности к его вышеизложенной характеристике. Итак, за что

осуждён Сократ — человек, который с такой искренностью стремился к истине и благу, который так горячо желал добра современникам и соплеменникам?

Было бы ошибочно искать объяснение странному осуждению Сократа в том, на что указывали его обвинители, Мелит и Анит, — в мнимом безбожии Сократа и его наклонности развращать юношество: это был лишь внешний, формальный предлог, в правду которого едва ли кто из судей и современников Сократа серьёзно верил. Нет, искомая нами причина лежит глубже и общее, она коренится в общей неспособности века воспринять новое учение, в общем протесте против призыва к тяжёлому и беспокойному делу самоиспытания и самовоспитания. Век, породивший софистов, провозгласивший, что «человек есть мера всех вещей», и поставивший эгоизм и произвол выше законности и справедливости, этот век не мог без вражды отнестись к глашатаю вечных, общеобязательных истин, направлявшихся к обузданию эгоизма и чувственности. Могло ли, в самом деле, для какого-нибудь почтенного афинянина быть что-либо досаднее того, когда, например, по дороге в совет или в суд, он невольно был вовлекаем в беседу с Сократом, колебавшее его блаженно самодовольство, нередко исторгавшую слёзы и приводившую к сознанию необходимости изменить свой недостойный, но привычный обрасс жизни? Уходя от Сократа и чувствуя в себе недостаток сил для того, чтобы во имя идеалов мудреца порвать со своим прошлым, такие люди естественно уносили с собой мучительное воспоминание о пережитом ими унижении, об увлечении и мягкосердечии, благодаря которому они всенародно позволяли себе растрогаться до слёз... Из таких именно людей малопомалу и образовывался контингент людей, недовольных Сократом, число которых становилось всё более и более и под конец его жизни сделалось до того велико, что оказалось достаточным, чтобы приготовить почву для осуждения Сократу.

Конечно, и при таких условиях для Сократа, как и для других проповедников новых идей той эпохи, оставался лёгкий и совершенно безопасный исход. Он мог, например, последовать обычному для лучших людей того времени взгляду, по которому ввиду поголовного и крайне опасного развращения толпы, мудрец должен уединиться от неё и в тиши делать своё дело, «скрывшись где-нибудь у стен, словно во время бури, и заботясь лишь о том, как самому прожить здешнюю жизнь чистым от беззакония и нечестивых дел и затем удалиться в другую с лёгким и спокойным сердцем и отрядной «надеждой» (Платон, Республика). Но это было не по характеру Сократу. Его подвижная, деятельная, исполненная благородной отваги натура не могла удовольствоваться этим отчуждением от мира, этим аскетическим идеализмом, усвоенным впоследствии Платоном. Она

не позволяла ему поступаться самоотверженной преданностью своему призванию и выступить из повиновения божественному голосу, который каждое утро вёл его в среду людей — на площадь, в толпу, где этот «общественный овод», во исполнение высшей воли, должен был «жалить людей преступных», забывая о собственной опасности. Мог, наконец, Сократ спасти свою жизнь, даже и тогда, когда находился в темнице: его друзья легко могли устроить ему бегство из темницы. Но это, конечно, ещё менее могло мириться со всем тем, чему учил Сократ, и что при каждом удобном случае он доказывал в течение всей своей жизни и самым делом. Во что, в самом деле, превратилась бы философия Сократа, если бы оно согласился, как того хотели его ученики, бежать из тюрьмы? Конечно, и тогда она осталась бы для нас высоким проявлением гениального философского творчества, но её жизненное значение, её способность давать определяющие начала практической жизни, не была бы так очевидной и осталась бы делом спорным. Напротив, величаясь фигура Сократа чрезвычайно вырастает и его философия, и особенно нравственная, перестаёт быть возвышенной утопией, когда мы видим, что она запечатлена самым делом. И каким делом! Делом, которое ясно доказало, что для Сократа без выполнения его призвания, без служения истине, со всей прямоотой и искренностью, не допуская ни малейших уступок, жизнь, как свидетельствовал он сам пред её концом, действительно теряла всю цену.

Таким образом мы видим, что трагичная кончина Сократа была необходимым заключительным моментом всей его самоотверженно-деятельной жизни. Таков, впрочем, общий исторический закон: участь верующих реформаторов всегда была суровее и трагичнее беспечной жизни светских вольнодумцев...

